

*М. И. Воейков*¹

ПЛАН И РЫНОК 100 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ²

Рассматриваются проблемы совмещения плана и рынка в России на протяжении 100 лет. Показано, что в 1920-е гг. было оптимальное сочетание плана и рынка, советская экономика успешно развивалась и выдержала испытание Великой Отечественной войной. Была создана плановая система, которая обеспечила успешное проведение индустриализации, развитие в стране науки, техники, культуры и достаточный уровень благосостояния людей. Однако сворачивание рыночных начал в 1960-е гг. привело к затуханию экономического роста. А результатом либеральных реформ начала 1990-х гг., «отменивших» систему народнохозяйственного планирования, стало прекращение экономического роста. Для современной экономики требуется оптимальное сочетание плана и рынка.

Ключевые слова: плановая система, рыночные отношения, индустриализация, советская экономическая модель, цифровая экономика.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-3-69-38-45

УДК 330.352

Вспоминая 100-летие нэпа и Госплана, можно сделать ряд выводов. Известно, что нэп и Госплан были созданы в 1921 г. Это два противоречивых начала (рынок и план), которые большевики 1920-х гг. сумели органично сочетать. По большому счету, нэп не был теоретической платформой большевиков, В. И. Ленин на целый год оттянул принятие нэпа. А вот единый народнохозяйственный план составлял ядро концепции социализма. Но переходить к социализму сразу после гражданской войны было невозможно – миллионы частных крестьянских хозяйств требовали нормального рыночного обмена. Нужно было сочетать рынок и план.

Однако суть советской экономической системы состоит в плановом хозяйстве. Именно плановая система позволила Советскому Союзу осуществить в 1930-х гг. индустриализацию, создать мощную промышленную базу для обеспечения Красной Армии всем необходимым (оружием, боеприпасами, транспортными средствами и т. д.). Плановая система способствовала четкой и организованной эвакуации промышленных предприятий из западных и центральных районов страны на Урал и дальше, что зало-

---

¹ *Михаил Илларионович Воейков*, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН (117418, Россия, Москва, ул. Новочеремушкинская, 38 к. 1), д-р экон. наук, профессор, e-mail: mvok1943@mail.ru

² Подготовлено по материалам доклада на конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем» (к 100-летию создания Госплана) (Москва, 25–26 марта 2021 г.).

жило основу для восстановления промышленного потенциала, достаточного для обеспечения Победы.

Большевики вплоть до середины 1930-х гг. рассматривали советскую хозяйственную систему в качестве государственного капитализма. Совмещение товарного производства и рыночных отношений с социалистическими ценностями они воспринимали как враждебные начала экономического развития, но объективно необходимые в сложившихся условиях. Это хорошо видно на примере двух регуляторов Е. А. Преображенского. Так, центральная категория Преображенского – «закон первоначального социалистического накопления» – выражает по сути необходимость мобилизации ресурсов на определённые цели экономического развития, прежде всего на индустриализацию. Этот закон, по мнению Преображенского, является «центральной пружиной всего советского государственного хозяйства». Вот его формулировка: закон первоначального социалистического накопления определяет «в борьбе с законом ценности, и распределение средств производства, и распределение рабочих сил, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства» [12, с. 107]. Таким образом, в советском хозяйстве действуют два закона, которые находятся в состоянии борьбы.

Главная проблема тогда заключалась в оптимальном сочетании рынка с государственным регулированием экономики, т. е. с народнохозяйственным планированием. Позднее в советской экономической литературе закон первоначального накопления Преображенского стали называть законом планомерного развития (даже сам Преображенский иногда писал «плановое начало»), а проблему, на которую указал Преображенский, – проблемой сочетания плана и рынка.

Эти два начала (рынок и план) уже в 1960-е гг. разрабатывал советский политэконом Я. А. Кронрод в теории о двух формах связи. Вот наиболее ёмкая цитата: «Прямая безэквивалентная экономическая связь при социализме является господствующей, но не единственной; в сочетании с ней как дополнительная выступает косвенная, товарная, эквивалентная форма экономической связи, т. е. форма движения экономических отношений, связанная с товарно-стоимостным опосредованием этого движения. Ее содержание и место определяется тем, что социалистическое производство необходимо представляет собой особый род товарного производства» [8, с. 387]. Между Кронродом и советскими экономистами 1960-х гг. и Преображенским есть некоторая разница. Преображенский рассматривал эти две формы связи или два закона (стоимости и планирования) как естественное условие для переходного периода от капитализма к социализму, Кронрод же полагал, что эти два закона есть объективно необходимый атрибут социалистического общества. Это естественно, ибо в 1960-е гг. никто из советских экономистов не смел усомниться в отсутствии у нас социализма. Только в самых последних работах Я. А. Кронрод писал, что у нас не социализм, а социолитаризм. Сегодня многие экономисты признают, что социализма в России так и не было.

В СССР в строго научном понимании социализма не было вопреки мнению некоторых либералов. Последние упорно верят словам И. В. Сталина, который первым объявил о построении социализма в нашей стране. При этом в научной литературе хорошо показано, что социалистического общества у нас не было. Вот несколько мнений. Историки пишут: «Как можно признать социалистическим СССР, в котором не было правового государства, никогда не были решены продовольственная и жилищная проблемы, существовало отчуждение работника от средств производства, от участия в управлении хозяйством» [10, с. 24]. А вот мнение академика Л. И. Абалкина: «Надо ясно представлять себе, что социализма мы не построили и в условиях социалистического

общества не жили» [1, с. 22]. Либералы не задумываются над этими вопросами и всё валят в одну кучу.

Теория рыночного социализма, которую развивали многие советские экономисты (но далеко не все), пришла на смену теории переходного периода, где доминировали два начала: план и рынок. Эта теория имеет под собой определённые объективные основания. Суть её можно свести к тому, что по мере обобществления производства чисто рыночные связи уступают место другим – по терминологии Кронрода, «непосредственно-планомерным». Кроме того (может быть, это главное), для модернизации экономически отсталой России существенная роль государства в управлении экономикой была объективно неизбежной – требовалось, как говорится, огосударствление экономики. И это огосударствление было не чьей-то ошибкой или «гримасой сталинизма», а объективно необходимой мерой осуществления догоняющего развития. Многие страны второго эшелона экономического развития проходили этот этап. Естественно, что в этот период механизм рыночного саморегулирования отодвигался мерами прямого государственного регулирования на задний план или дополнялся «непосредственно-планомерным» регулированием.

Есть и другой аспект. На мой взгляд, эти две формы связи (рынок и план) отражают потребности не только первоначального этапа становления индустриальной системы в отсталой стране, но и реальности современного экономического мира вообще и мало связаны с социализмом или капитализмом. Если говорить предельно обобщённо, то наше общество 1960-х гг. должно было в большей мере регулироваться именно рыночной, косвенной связью, как это объективно и было. А вот в системе регулирования экономически высокоразвитых стран, наоборот, большую роль играла прямая, планомерная связь. В подтверждение этого тезиса приведём высказывание часто забываемого заокеанского авторитета: «Не социалисты враги рынка, а передовая техника, а также диктуемые ею специализация рабочей силы и производственного процесса и, соответственно, продолжительность производственного периода и потребности в капитале. В силу этих обстоятельств рыночный механизм начинает отказывать как раз тогда, когда возникает необходимость исключительно высокой надежности, когда существенно необходимым становится планирование» [6, с. 71]. При всём этом можно утверждать, что теория Преображенского о двух началах переходной экономики и кронродовская конструкция двух форм связи хорошо встраиваются в современную теорию смешанной экономики.

Жёсткое государственное управление экономикой и планирование народного хозяйства – вот основные параметры советской экономической системы. Это была мобилизационная экономика, но иначе в условиях жёсткого противостояния двух мировых систем (и особенно мировой войны) невозможно было сохранить страну и победить врага. При этом плановая система и централизованное управление были основным условием успешного развития науки и военной техники. Можно утверждать, что важнейшим звеном плановой системы и индустриализации в СССР было становление и развитие современной науки, во главе которой стояла Академия наук СССР. Это резко контрастирует с нынешним положением в стране, когда Академию наук низвели до уровня мелкого подразделения в структуре одного из министерств.

Сегодня в стране господствуют рыночные начала при полном отсутствии планирования. Более того, либеральные экономические реформы 1991–1995 гг. нанесли России экономический ущерб, сопоставимый с потерями народного хозяйства от нашествия фашистской Германии и даже сильно превосходящий эти потери. Так, если

промышленное производство в 1945 г. сократилось по сравнению с 1940 г. на 10 %, то в 1995 г. по сравнению с 1990 г. промышленное производство составило 49,7 %, т. е. сократилось почти на 50 %³. Напрашивается вопрос – что для экономики России ущербнее: война с фашистской Германией или либеральные экономические реформы, навязанные «вашингтонским консенсусом»?

Таким образом, для российской экономики характерно оптимальное сочетание рыночных начал и планового регулирования. Это доказал опыт становления советской экономики, когда в 1920-е гг. СССР продемонстрировал высокие темпы экономического развития. Однако в 1970-е и 1980-е гг. рыночные начала в стране не развивались, и темпы развития снизились. В 1990-е гг. плановые начала были административно ликвидированы, и развитие экономики прекратилось. Проблема состоит в нахождении оптимального сочетания плана и рынка.

Возникает и другой вопрос. Возможно, была иная модель форсированной индустриализации – без эксцессов сталинизма? Конечно, индустриализация была объективной необходимостью для страны, и это хорошо понимали многие политические деятели того времени. Здесь надо различать период 1920-х гг., когда рыночные начала в экономике сочетались с планированием народного хозяйства, и период с начала 1930-х гг. вплоть до Косыгинской реформы 1965 г., когда, по сути, осуществлялась мобилизационная экономика с минимизацией рыночных начал.

Практически более эффективной модели развития в 1920-е гг. в стране не было. Но в эти годы не было форсированной индустриализации. Иное дело конец 1920-х – начало 1930-х гг., когда создавалась модель мобилизационной экономики. То, что в России надо проводить индустриализацию (причём ускоренными темпами), признавали почти все руководители-большевики. Расхождения между ними были по вопросу темпов. Так, нарком Г. Я. Сокольников предлагал постепенный переход к индустриализации на основе роста благосостояния крестьянства [5]. Ответственный работник Госплана СССР, возражая Сокольникову, писал: «Для нас, работников Госплана, этот «крестьянский» уклон Наркомфина представляется глубоко неправильным и совершенно неприемлемым. Признать вместе с Сокольниковым, что «организованное и плановое» использование сельскохозяйственных ресурсов у нас невозможно, – это равносильно было бы отказу не только от контрольных цифр 1925/26 г., но и от всякой плановой работы в масштабе охвата всего народного хозяйства вообще» [13, с. 157–158]. Победила точка зрения Струмилина, и сталинское окружение выступало за ускоренную индустриализацию, которую осуществили в начале 1930-х гг.

Главные «пороки» сталинской модели состоят в чрезмерной жесткости проводимой политики, граничащей с преступлениями. Скажем, если бы индустриализацию проводили сторонники Л. Д. Троцкого и «левой оппозиции», жертв и ошибок было бы значительно меньше. К объективным причинам «пороков» сталинской репрессивной модели можно отнести отсталость России в цивилизационном развитии. Это не только грубость и жестокость лично Сталина и его ближайших сподвижников, но и общий уровень деловой культуры населения. Чтобы русский мужик, а население в то время было в основном крестьянское, сносно работал на стройке или заводе, он должен был бояться начальника. Материальные стимулы труда были не очень существенными и не имели большого значения, ибо избытка товаров в магазинах тогда не было и возмож-

---

³ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 55; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. М.: Логос, 1996. С. 492.

ности как-то реализовать дополнительный доход были очень ограничены. В то время была хозяйственная, а следовательно, и политическая диктатура государственной власти. Напомним, что почти все страны второго эшелона экономического развития проходили этап экономической диктатуры. Конечно, форма её могла быть разной.

К сильным сторонам сталинской модели можно отнести высокую исполнительскую дисциплину. Рядовые работники и хозяйственные руководители боялись её нарушить. Была создана система очень эффективной исполнительной власти. Важную роль при этом играла коммунистическая партия большевиков, которая на всех уровнях быстро и просто, порой очень жёстко, решала организационные вопросы. Это была мобилизационная экономика со всеми её положительными и отрицательными сторонами.

Известно, что экономика СССР в середине 1920-х гг. серьёзно отставала от основных индустриальных держав, что создавало угрозу самому существованию СССР. Требовалось не просто увеличить мощности сырьевых и промышленных производств, но преобразовать сам тип экономического развития, сместив центр тяжести экономической политики с традиционного аграрного сектора на индустриальный. Без создания собственного производства машин, станков, тракторов, турбин, двигателей внутреннего сгорания, без повышения агротехнического уровня сельскохозяйственного производства дальнейшее экономическое развитие было невозможно.

Индустриализация изменила облик советской экономики. За 1930-е гг. СССР из страны, ввозившей станки и машины, превратился в страну, их производящую. За это время увеличилась и численность городского населения. Были освоены новые промышленные районы на востоке страны. Возникли целые отрасли индустрии, которых не было в дореволюционной России: авиационная, тракторная, электроэнергетическая, химическая и др. Все это позволило СССР к началу 1940-х гг. превратиться в могучую индустриальную державу, без чего победа в Великой Отечественной войне была бы невозможной.

Россия из второразрядной страны превратилась во вторую сверхдержаву в мире. Была создана современная индустрия, люди жили вполне благополучно: доступная медицина, бесплатное образование, постепенное решение жилищной проблемы, расцвет советской культуры, успешное развитие науки. СССР был вполне респектабельным и конкурентоспособным социальным государством.

В СССР все люди были более или менее равны, экономическое неравенство было минимальным (коэффициент Джини – на уровне скандинавских стран, что характерно для социальной экономики, в 1992 г. он равнялся 0,28, а сегодня в России – примерно 0,41). Либералы же считают, что равенства не должно быть, ибо оно не стимулирует рост производительности. Так, Л. Мизес пишет: «В системе неравенства эгоизм побуждает человека экономить и всегда инвестировать свои сбережения так, чтобы наилучшим образом удовлетворять наиболее насущные нужды потребителей. В системе равенства этот мотив исчезает» [11, с. 796]. Сегодня в России неравенство просто зашкаливает. Так, в 2019 г. доля богатства страны, сосредоточенная у 1% наиболее богатых россиян, составила 58,2 %, т. е. более половины богатства страны принадлежит горстке людей, составляющей только 1 % населения. В большинстве основных европейских стран концентрация богатства у 1 % населения не превышает 30 % [2, с. 129]. Как справедливо пишет С. Д. Бодрунов: «Модель либерального государства – «ночного сторожа» – неадекватна современным, а тем более – завтрашним реалиям» [4, с. 13].

Однако были и провалы советской экономической системы. К неудачам и ошибкам можно отнести прежде всего неразвитость рыночных начал в экономике, слишком жёсткую централизацию управления, отсутствие демократизма и самоуправления на

местном уровне. Совершенно необязательно было каждую парикмахерскую создавать как государственную. К сожалению, таких глупостей в советский период было много.

Жёсткое государственное управление экономикой и планирование народного хозяйства – вот основные экономические параметры советской экономической системы. Да, это была мобилизационная экономика, но иначе в условиях отсталости невозможно было сохранить страну и выстоять в противостоянии с западными странами. При этом плановая система и централизованное управление были основными условиями успешного развития науки и техники.

Говоря о плановой системе, нельзя не коснуться модной ныне темы – цифровизации экономики. Многие, рассуждая о цифровизации, имеют в виду техническое оснащение экономики и экономического управления. Но если говорить об этом процессе более конкретно, то следует признать, что цифровая экономика есть плановая экономика. Об этом много говорили наши экономисты еще в 1920-е гг., когда развёртывалась система планирования народного хозяйства. Так, Г. М. Крижановский писал, что «зарождается идея контрольных цифр Госплана. Летом 1925 г. Госплан впервые делает попытку построения годового хозяйственного перспективного плана. «Комиссия по контрольным цифрам» становится одной из основных организаций Госплана» [7, с. 425].

Например, В. А. Базаров, ответственный работник Госплана СССР, составляя «контрольные цифры» на 1925/26 г., писал в 1925 г.: «Система контрольных цифр и органически связанная с нею система экономических мероприятий являются планом народного хозяйства» [3, с. 329]. Можно привести мнение лауреата Нобелевской премии по экономике В. Леонтьева о балансе народного хозяйства: «Принципиально новым в этом балансе при сравнении его с обычными хозяйственно-статистическими обследованиями, как, например, с американским и английским цензом, является попытка охватить цифрами не только производство, но и распределение общественного продукта» [9 с. 242]. А баланс народного хозяйства – это центральное ядро народнохозяйственного планирования. Таким образом, когда говорят о цифровой экономике, надо понимать, что говорят о народнохозяйственном планировании.

Список литературы

1. *Абалкин, Л. И.* Социализма мы не построили / Л. И. Абалкин // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / под ред. М. И. Воейкова. – СПб.: Алетей, 2011.
2. *Анисимова, Г.* Обострение социально-экономического неравенства в России / Г. Анисимова // Общество и экономика. – 2020. – № 9. – С. 125–134.
3. *Базаров, В. А.* Избранные произведения / В. А. Базаров. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – Т. 2.
4. *Бодрунов, С. Д.* Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 3(61). – С. 11–14.
5. *Воейков, М.* Логика экономической концепции Г. Я. Сокольникова / М. Воейков // Вопросы экономики. – 2008. – № 6. – С. 141–154.
6. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969.
7. *Крижановский, Г. М.* Избранное / Г. М. Крижановский. – М.: Госполитиздат, 1957.
8. *Кронрод, Я. А.* Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории / Я. А. Кронрод. – М.: Мысль, 1966.
9. *Леонтьев, В.* Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика / В. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1990.

10. Мерцалов, А. Сталинизм и война / А. Мерцалов, Л. Мерцалова. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998.
11. Мизес, Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М.: Экономика, 2000.
12. Преображенский, Е. А. Новая экономика (теория и практика), 1922–1928 гг. / Е. А. Преображенский. – М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008.
13. Струмилин, С. Г. Избранные произведения: в 5 т. – Т. 2. На плановом фронте / С. Г. Струмилин. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

References

1. Abalkin L. I. (2011). Socialima my ne postroili [We have not built socialism]. // Socialism after socialism. New intelligent vector / Ed. M.I. Voeikova. – SPb.: Aleteya.
2. Anisimova G. (2020). Obostrenie socialno-ekonomicheskogo neravenstva v Rossii [Aggravation of socio-economic inequality in Russia] // Society and Economics, 9. pp. 125–134.
3. Bazarov V. A. (2014). Izbrannye proizvedeniya. T. 2 [Selected works, V. 2]. – М.: Delo Publishing House, RANEPА.
4. Bodrunov S. D. (2019). Gosudarstvo i tehnologicheskaya revolyutsiya: politenomicheskii vzglyad [The state and the technological revolution: a political and economic view] // Economic Revival of Russia, 3 (61). Pp. 11–14.
5. Voeikov M. I. (2008). Logika ekonomicheskoy koncepcii G.Ya.Sokol'nikova [The logic of the economic concept of G.Ya. Sokolnikov] // Economic Issues, 6, Pp. 141–154.
6. Galbraith J. (1969). Novoe industrialnoe obschestvo [The new industrial state]. М., Progress.
7. Krizhanovsky G. M. (1957). Izbrannoe [Favorites]. – М.: Gospolitizdat.
8. Kronrod Ya. A. (1966). Zakony politicheskoy ekonomii socializma [The laws of the political economy of socialism. Essays on methodology and theory]. – М.: Mysl'.
9. Leontiev V. (1990). Ekonomicheskoe esse. Teoriya, issledovaniya, fakty i politika [Economic essays. Theory, research, facts and politics]. – М.: Politizdat.
10. Mertsalov A., Mertsalova L. (1998). Stalinism i voyna [Stalinism and War]. – М.: TERRA-Knizhny club.
11. Mises L. (2000). Chelovecheskaya deyatel'nost: traktat po ekonomicheskoi teorii [Human activity: A treatise on economic theory]. Moscow: Ekonomika.
12. Preobrazhensky E. A. (2008). Novaya ekonomika (teoriya i praktika), 1922–1928 gg. [New Economics (theory and practice), 1922–1928]. – М.: Izdatel'stvo Glavarhiva Moskvyy.
13. Strumilin S. G. (1963). Izbrannye proizvedeniya v 5 tomah. T. 2. Na planovom fronte [Selected works in 5 volumes. V. 2. On the planned front]. – М. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

M. I. Voeikov⁴. Plan and market 100 years ago and today. The article focuses on the problems of combining the plan and the market in Russia for over 100 years. It is justified that in the 1920s there was an optimal combination of plan and market and the Soviet economy developed successfully and

---

⁴ *Mikhail I. Voeikov*, Head of the Sector of Political Economy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Novocheremushkinskaya St., 38 k. 1, Moscow, 117418, Russia), Doctor of Econ. Sc., professor, e-mail: mvok1943@mail.ru

withstood the test of the Great Patriotic War. A planned system was created, which ensured the successful implementation of industrialization, the development of science, technology, culture in the country and an adequate level of people's well-being. However, the curtailment of market principles in the 1960s led to a decline in economic growth. The liberal reforms of the early 1990s, which meant the abolition of the system of national economic planning, became a precondition to a general cessation of economic growth. Thus, a modern economy requires an optimal mix of plan and market.

Keywords: planning system, market relations, industrialization, Soviet economic model, digital economy.